

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79

Интервью/Interview

**«В поисках собеседника»:
интервью с Бахытом Каирбековым.
Часть первая, или Ипостась главная. Поэт**

О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

Для цитирования:

Валикова О.А. «В поисках собеседника»: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть первая, или Ипостась главная. Поэт // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 67–79. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79

**“In search of an Interlocutor”:
Interview with Bakhyt Kairbekov.
Part One, or the Main Hypostasis. The Poet**

O.A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

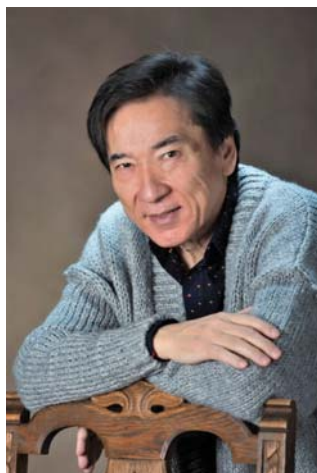
For citation:

Valikova, O.A. 2021. “In search of an Interlocutor”: Interview with Bakhyt Kairbekov. Part One, or the Main Hypostasis. The Poet”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (1), 67–79. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79

© Валикова О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Бахыт Каирбеков — талантливый поэт, известный кинорежиссер, тонкий переводчик (Перевозчик, как определено в одном из его стихотворений), вдумчивый ученый. Мы побеседовали с Бахытом Гафуовичем о Поэте и Поэзии, о каждодневном выборе быть собой, об ответственности перед своим Даром, об искусстве «сказать почти то же самое» (У. Эко) — искусстве перевода. Интервью представлено в двух частях, каждая из которых раскрывает одну из творческих ипостасей Бахыта Каирбекова.

ПТП: Бахыт Гафуович, ваша лирика очень адресна; несмотря на то, что адресат зачастую дан в ней имплицитно, стихотворения разных сборников разворачиваются перед читателем как однажды начатый разговор, как «исповедь сердца» в единстве сверхтекста. Отсюда — удивительная интимная тональность, доверительность, открытость, граничащая с эмоциональной обнаженностью. Из всех стратегий кооперации с читателем, известных литературе новейшего времени (от эпатажа до интеллектуальной конфронтации с читателем, от языковой и онтологической деконструкции смыслов до моделирования подчеркнуто «авторской» поэтической картины мира) Вы придерживаетесь, пожалуй, самой честной: повествуете о жизни собственного Духа. Это Логос, растущий из «кровотокающего сердца» («Если сердце твое кровотоцит...»). Неслучайно В. Бадиков назвал вашу поэзию «стенограммой души». Скажите, не страшно ли Вам настолько «обнажаться» перед читателем? И каков он — Ваш читатель?

БК: Каков мой читатель? Однозначно, мой давний друг, которому невозможно солгать. Проще тогда уж промолчать. Невозможно требовать и ждать доверия к себе, если сам не поверяешь ему свою боль и радость. Образ моего читателя воплощал собой Виктор Бадиков. Ему первому приносил я свои тексты и зачастую оставлял у него те, что так и «не выросли из штанишек». Я без жалости выбрасывал то, что не выдерживало критики (так и не научился дорабатывать стихи: не мог вернуть первоначального эмоционального запала, а без него стихотворение выглядело инвалидом — то ли безруким, то ли безухим). А он, как опытный литературовед, забирал их у меня (впоследствии я научился у него уважительному отношению к текстам, написанным рукой автора) и ждал новых. Вот это его ожидание моей откровенности и побуждало творить честно.

Представляя перед собой его глаза с прищуром, я избрал формат своего стихописания в далеком 1981 году:

Ранним утром
сесть за стол,
заправить ручку чернилами,
взять стопку бумаги
и, наконец, начать
письмо другу,
который давно его ждет.
Лучше писать без слов
«здравствуй» и «прощай».

Когда поставишь точку,
Не ищи конверта.
Так пишутся стихи.

Еще в 1975 году я написал следующие строки:

Они встречаются мне
каждый день —
и не узнают меня,
мои стихотворения.
Это я один
во всем виноват.

(«Части целого». Том I. «Мои стихи разбрелись по городу», с. 83–84)

Ложь чревата своей плодовитостью. Единожды солгав, испытываешь стародавнее ветхозаветное чувство:

Как гадко мне...
О, как горят
предательски уста!
Как будто это я Вчера
поцеловал Христа.

(«Части целого». Том I. «Мои стихи разбрелись по городу», с. 311)

Вся жизнь твоя —
Мгновение над плахой,
И как не дорожить — последним — им?

(«Части целого». Том II. Стыд. С. 10)

ПТП: Из Ваших «Избранных» (2 тома) известно, что первым «читателем», или, скорее, слушателем первого стихотворения была Ваша Бабушка, которую Вы звали Мамой. Оказала ли Ваша бабушка влияние на ваше становление как поэта?

БК: И да, и нет. Из детских воспоминаний осталось только то, как я хвастанул ей, что сочинил стихи и буквально пропел ритмический рисунок куплета, в котором вместо слов были чередующиеся «та-та-та». И заплакал от обиды, услышав ее вопрос: а где же сами стихи? Но первое стихотворение (стишки, которые сочинялись по любому поводу в школе, не в счет), именно сознательное, как душевное признание, я посвятил именно ей. В нем, конечно же, преобладали

клише из скудного собрания прочтенных книг, но для меня эти строки дороги страшным потрясением потери дорогого мне человека. Я до сих пор считаю ее своим ангелом, витающим надо мной и так же, как и мой друг Виктор, не позволяющим мне случайных и проходных строк (правда, позволяю себе иногда грешить рифмовкой и формой в угоду полнокровной передачи содержания). Ее безграничная любовь ко мне — тот честный камертон, который всегда под рукой. И хотя при жизни она так и не услышала от меня ни строчки, я надеюсь, что она слышит все то, что я пишу. Об этом стихи «Маме» (1994. Том I. с. 22—23), «Все знания мои о многоликом мире...» («Многоточие», с. 66—67. 2017).

ПТП: Поэзия — не только «зов», но и тяжелый выбор. Мандельштам писал: «Путь поэта неизбежно ведет к катастрофе». Цветаева утверждала: «Ибо раз голос тебе, поэт, дан все остальное — взято». В этих тезисах — фактически программная невозможность для Поэта быть «обыкновенно» счастливым: если это счастье есть, то оно — иное (с-частье как соотнесенность Части Целому, порой — через страдание, мучительный поиск, множественное, принципиально незавершенное самоопределение). Вставал ли перед Вами когда-либо выбор — «быть или не быть — Поэтом?», учитывая, что «быть» — значит намеренно оголять «душевный» нерв, осознавать, что простой, понятной, «линейной» жизни в этом случае не бывать?..

БК: Нет. Как ни странно, выбор всегда исходил со стороны. В литинститут я попал благодаря протекции отца, который буквально заставил меня заполнить папку переводами, сделанными на скорую руку, «публикациями» в газете (точнее, информашками типа «Кайрат» в очередной раз проиграл «Пахтакору»). Все это я сдал профессору Л.И. Климовичу, который прибыл в Алма-Ату специально для набора будущих переводчиков — так называемую «казахскую группу». На самом деле нас учили переводить и прозу тоже. В условиях творческой конкуренции мой мастер Лев Озеров опять-таки выбил из меня пару-другую стихов, которые сам же опубликовал в журнале «Простор» вместе со стихами Кайрата Бакбергенова, предварив их кратким пожеланием оправдать его доверие. По-нашему, «батасын берді».

Слово «Поэт» для меня всегда зримо с большой буквы, и я только недавно стал привыкать к нему в отношении себя опять-таки в контексте современных СМИ, где так легко обозвать себя не просто поэтом, но выдающимся, а то и великим.

Я скорее радуюсь тому непередаваемому чувству рождения стиха, как если бы вдруг ты увидел свое нутро, не так как мы видим рентгеновые снимки, но что-то всегда неизвестное, огромное, удивительное уже тем, что оно было несомненно твоим и только твоим. Удивление перед рождением стиха случается неожиданно и почти непредсказуемо. Разве что строчка какая-то западет в сознание и словно заноза величиной в соринку не хочет покидать тебя — и однажды обретает черты еще не оформившихся мыслей, чем и выдает свое будущее рождение. Но бывает и так, что выплескивается вместе с водами готовеньким творением с открытыми глазами и криком. И я согласен с тем, что это божий дар. И это мое счастье — суметь обозначить свои чувства зримо и проникновенно. Для этого совсем не обязательно называться поэтом. Говоря протокольным языком, стих для меня «чистосердечное признание» совершенного поступка. Еще точнее, пережитого «преступления» в смысле «переступившего в себе грань возможного». А это всег-

да сопровождается чувством восторга, гордости собой (в молодые годы), а в целом, чувством исполненного долга перед читателем, который был, есть и будет. Без этой веры и надежды в существование собеседника невозможно никакое творчество.

ПТП: В Ваших стихотворениях не единожды звучит тема смерти и воскрешения. На пути лирического «тысячеликого героя» фазы умирания-обновления закономерно рассматривать как этапы инициации. Однако за «мифическим» субстратом этого процесса зримо проглядывает реальное — физическое — столкновение Вас — со смертью. Как этот опыт повлиял на Вашу жизнь — и Вашу Поэзию?..

БК: Об этом мой недавний сборник стихов «Многоточие». Его предваряет четверостишие «Все о смерти, а значит о жизни...».

Самое первое стихотворение было написано в день умирания моей большой Мамы — бабушки, подарившей мне всю свою любовь. В этом я вижу Жизнь с большой буквы, жизнь, которая дарит нам мгновения счастья.

Как-то на досуге почему-то вдруг стал считать ситуации, когда я был близок к смерти: то меня чудом не сбила машина, то на троллейбус, на который я опоздал, упал мост, то едва не сорвался на машине глубокой ночью в степи в незримую для меня пропасть... а сколько раз я тонул, оказавшись один на один с водной стихией, не умеючи плавать! Короче, почти два десятка раз. Но два случая из них были самыми опасными: когда меня спасли врачи после ножевого ранения, а потом лечили от смертельной болезни. Так что тема смерти у меня, можно сказать, давняя спутница, как постоянное предостережение о хрупкости и скоротечности жизни.

Судите сами: вот хронология стихов, начиная с первых шагов в мир поэзии, в которых звучит эта тема: «Он будет грустен этот вечер» (1971), «Когда в степи моей...» (1976), «Я помню ночь, наполненную болью...» (1979), «Я живу и умираю каждый миг...» (1982), «Не я один цветы живые...» (1985), «Он знает все...» (1985), «Все тоньше нить... И может оборваться...» (1985), «Стоп-кадр» (1986), «Я призываю скорбеть» (1986), «Не счесть опавших листьев...» (1987), «Унесся ветер в даль...» (1993) «Не унести с собой — дрожанье поплавок» (1995), «Нет жизни после, нет и смерти...» (2002), «Время встречи — похороны друга...» (2007), «Однажды» (2007), «Каждый день ты готовишься к смерти...» (2008), «Не царское это дело...» (2008), «Первый снегопад» (2009), «Черный лебедь крылатого танца» (2010), «Утешает, что в мире пошлом...» (2011), «Мавзолей Джучи-хана» (2012), «Впервые чувствую, что я остался в прошлом...» (2013), «24 декабря»/«Смерть его не застала врасплох...» (2014), «До восхода Солнца» (2014), «Даже если умру, то умру с улыбкой...» (2015), «Судьба шутить так любит надо мной...» (2016), «Осенний ноктюрн» (2016), «Раз попавши в клешни “рака”» (2017), «Над свежей глиной свечки зажжены...» (2017).

Понятно, что это далеко не полный перечень.

Я могу сказать словами моего лирического героя, что знаю теперь уже сиюминутно: «смерть всегда близка». Я борюсь с ней, не старой каргой, но соблазнительной красоткой («Модельерам», 2020), так или иначе в каждом своем стихотворении:

«Терзай же беспощадней откровение! Что устоит упрямо — буду я!»,

«Я люблю эту смертную жизнь! («Я люблю, упрругое, звонкое...»,

«Вы знаете, чем пахнет смерть? Жизнью»,
«То взлечу, то припадаю к жизни той, что прекраснее сна»,
«Я танцую, я живу!».
И продолжаю:

Пить жизнь — божественную брагу,
Рукою смерти поднесенной — пусть глоток! (2019)

Вот почти программное стихотворение 1982 года:

Есть в этой жизни Смерть.
Ее лица
мне не забыть.
Она меня искала.
Есть в этой жизни Жизнь,
которой нет конца...
И я ищу
Ее начало.

ПТП: Ваша поэзия многослойна, нелинейна, ассоциативна; погружаясь в творимое Вами Слово, оказываешься в Космосе, где все времена и пространства — реально географические или те, что давно остались за пределами Ойкумены современного «цивилизованного человека» — существуют единовременно, вытекают друг из друга, образуя в полном смысле метафизическую континуальность нового типа: жизнь города, зарисовка «акведука над рекой» — и вдруг вращение стихии Жер-Су, летопись жизни Великой Степи, отзвуки шаманского камлания... Поразительно то, что Вы не пытаетесь разъять осмысляемое на части, но, напротив, стремитесь к синтезу, к синергетическому слиянию сущего в поэтическом Слове. Как Вы пришли к этому мировидению?..

БК: Не сразу понял, что такое «синергетическое» — пришлось заглянуть в Гугл. Никогда об этом не задумывался. Но ответить надо...

Почему-то вспомнилось то, как Робинзон, оказавшись на острове, обустроивает свою новую жизнь... в особенности те моменты, когда океан подкидывает ему «подарки», выбрасывая на берег самые невообразимые вещи, а он из них мастерит что-то пригодное для своего быта. Это я сейчас так вспоминаю, возможно, где-то утрируя. Потом вспоминается «Жизнь в лесу» Генри Торо. Это я, так сказать, навскидку. Его поэтичный взгляд на природу. Потом вспоминаю самую любимую книгу — «Маленький принц» Экзюпери. Еще в школе завел привычку записывать афоризмы и песни в записную книжку, благо, мне вручали их каждый раз вместе с авторучкой на математических олимпиадах (вообще-то я любил математику и собирался поступать на физмат). Вот, к примеру, запись начала 70-х, которую я обнаружил на днях, роясь в своем архиве: «Не ходи никуда без сердца своего». Откуда взято — неизвестно.

А в 1982 году сокурсник Владимир Гоголев подарил мне собственноручно сшитую толстенную книгу-тетрадь и фактически смотивировал завести дневник, за что я благодарен ему до сих пор.

Не знаю, ответил ли... Задумался. Скорей всего — все же начитанность помогла понять неразъятость природы, в которой нет ничего лишнего, бездействующего, ибо она изначально живой организм, в котором все живет, питаясь друг другом и питая друг друга. И двухтомник мой «Части целого» тоже об этом: что я сам по себе не только пишущий стихи автор, но и человек, все мечты и проблемы которого не обозначить только лишь стихами и дневниковыми записями. Многого остается за кадром. Казахи, искусно расчлняя тушу барана, выделяют в ней 12 частей, и столько же психических состояний видят в человеке. И измеряют жизнь мушелями, временными отрезками, равными 12 годам. Это подобно измерениям Велемира Хлебникова, который не просто верил в математическую сущность времени и пространства, изучив закономерность чередований двоек и троек, но и предсказал 1917 год и 1941-й. Это я пишу сейчас опять-таки навскидку. Давненько не вспоминал подобные факты.

Как пишет Александр Генис, «школа должна научить не тому, что читать, а тому — как». Читал я много, ибо любил это дело, плюс поневоле научился «цитировать» авторов, по-своему пересказывая содержание книг сверстникам, которым не то что было не до чтения, а попросту не было такой возможности (в Тастаке — почти бандитском в те времена районе — наверняка не было домашних библиотек, а в школьную было ходить не с руки). Помню, классе в 7-м я оказался с отцом в Коктебеле и буквально утонул в волошинской библиотеке, проглотив за короткий период романы Фенимора Купера и Майн Рида, Вальтера Скотта, Джека Лондона, фантастику Герберта Уэллса (аж 12 томов!) и, конечно же, всего Жюль Верна вкупе с Александром Беляевым. Главное, что прочитал их вовремя, то есть именно в том возрасте, когда это все проглатывается с восторгом и полным доверием к авторам. То есть мир для меня открылся как в плане географическом, так и романтическом и даже фантастическом. Слиянно. Возможно, впоследствии я потому и вычлнял из него себя и других, но именно как важную и необходимую микрочастицу гармонично созданного мира. Слава Создателю!

ПТП: У Вас особые требования ко времени — и к себе внутри этого времени. Как говорится, «ни дня без строчки». Откуда такая беспощадная требовательность к своему поэтическому дару?

БК: Скорее, к самому себе. Стихи для меня дневник, который пишет душа или то, что сидит во мне, как и в каждом из нас, и мне хочется как можно больше узнать о нем — другом. И чем честнее я буду в стихах, тем ближе сойду с ним. Ведь наука и искусство все века исследуют всего лишь одну тайну — человека, которого наука не может родить (повторить в виде клона), а искусство — постичь. Человек — тайна, дарованная свыше. Постичь его равно что постичь Бога. Но пока это икона, лик — и наркоман, маньяк, зверь. Красавица и чудовище в одной ипостаси. Ангел и сатана в контексте любой религии. Тут не до лжи. Преувеличение и недооценка — да, чуть ли не на каждом шагу. Но эти недостатки со временем легко обнаруживаются и стираются, как карандаш на полях оригинала. Стихи — именно силки, сачок, капкан — уловка, чтобы уловить себя, свое скрытое Я. Божий дар для постижения смысла своего появления на свет. И более глубоко — быть зеркалом божьих творений. Богу тоже нужна аудитория, читатель,

зритель, собеседник. Кто бы мог не оценить (масштаб не тот), но хотя бы испытать восторг от мощи сотворенного Им.

Дневник — петля, аркан, курук —
Поймать неповторимость жизни,
Лассо набросить на скаку
На шею дикой и капризной!

Остановить незримый бег
Минут неукротимых!..
И заарканенный твой век
Свое узнает имя.

ПТП: Отчасти ответы мы нашли в «Частях целого. Избранное в 2 томах» (Алматы, 1998). Народный поэт Казахстана Гафу Каирбеков был и остается по сию пору катализатором Вашего творчества?

БК: Я бы назвал его скорее мерилем нравственности, доброты и любви к людям. Творчество его та высокая планка, которую мне никогда не достичь, но могу равняться на высоту вдохновения, которой достиг мой отец. Это все равно что знать высоту неба, сияющих звезд. Она не принижает тебя, просто призывает не забывать о нем, почаще запрокидывать голову, любоваться необъятной глубиной Космоса, наполняться чувством счастья, что знаешь о наличии непознанного и удивительного.

Образ отца, его имя, его дух проявляют себя в самый неожиданный момент, и я вижу в этих проявлениях не только его одобрение и помощь, но добрую примету, что задуманное мной обязательно свершится в самом лучшем виде.

ПТП: В одном из стихотворений Вы задаетесь вопросом: «Почему я по-русски пою? / Почему на домбре не играю?» Вы мечтаете «обогреться у очага родной культуры» и будто бы упрекаете себя в оторванности от родимой степи (вспомним, например, стихотворение «Степь — многотравный простор»). Вы пишете на русском, и в стихии русского слова создаете необыкновенную по размаху, панорамности, глубине оттенков картину мира, которая по объему своему превосходит сугубо «этноспецифическую». Но в поставленных выше вопросах — отзвук мучительного внутреннего разлада. Отчего это так?..

БК: Пожалуй, сейчас я близок к разрешению этого конфликта, а именно комплекса неполноценного знания родного языка (опять же сопоставляя с богатой образной лексикой отца!). Мне и сегодня не хватает собеседника, каким мог бы стать мой отец. Но он ушел так рано, именно тогда, когда наметилось, наконец, встречное желание поговорить о главном. Я никак не предполагал, что он уйдет так стремительно. Мы даже не успели попрощаться. У моих казахоязычных друзей тоже есть своеобразный комплекс, из-за которого они переходят в разговоре со мной на русский и почти никогда не говорят о потаенном, считая меня все же русским, городским, московским, иначе говоря, все-таки чужим. Пусть даже в самом хорошем смысле. Я вижу в этом не только некоторое пренебрежение и ленность, но и опасение выдать свою литературную неосведомленность, дать маху в чем-то, что я наверняка знаю лучше и глубже. А о каком тогда диалоге может быть

речь? Сейчас я могу рассказать моим коллегам, пишущим на казахском языке, немало интересного из нашего прошлого, о чем они могут не знать, и удивить их своими изысканиями о традициях нашего народа, уходящих в глубокую древность. Я выравниваю весы общения с ними, но пока не нашел-таки достойного собеседника. И теперь уже не ищу. Просто строю гипотезы, в надежде и уверенности, что они, будучи не раз сверенными, т.е. по-настоящему ценными в плане культурной информации, подвигнут следующих любопытных и настойчивых развить и углубить эти поиски, а значит, смогут очистить от сора еще живые источники народной поэзии, как когда-то наши предки по весне открывали очи родников, дабы чистая вода пробилась на свет божий и питала все живое вокруг.

ПТП: Не ошибаемся ли, когда думаем, что наряду с известным «Когда в степи моей умолкнут кузнечики / Я умру» одним из программных поэтических произведений в Вашем творчестве является стихотворение, посвященное великому Абаю? Наследие Абая относится к ядру казахской культуры. Одну из статей (8 апреля 2012) Вы предварили эпиграфом из Абая: «Люблю ли я свой народ или ненавижу?» Не могли бы Вы поделиться своим видением жизни и творчества Абая Кунанбаева? Ваши раздумья о нем — раздумья собеседника, несмотря на разницу физического пребывания в земной жизни — так полагает Улданай Максутовна Бахтикиреева. Ведь не случайно один из ваших документально-художественных фильмов (особый жанр документального кино — каирбековский) называется «В поисках собеседника»?

БК: Абай — тот самый родник, к которому не устаешь припадать, чтобы испить поэзию хрустальной чистоты, насыщенную минеральной мощью самых глубоких напластований земли. Я имею в виду его талант ученичества, впитывания, вбирания в себя наследия персидской, арабской, русской, а через нее европейской литературной традиции и философской мысли. Всю жизнь он постигал «чуждую» с точки зрения нынешних всезнаек мировую культуру, чтобы ограничить ее инструментарием алмазную чистоту и драгоценную суть родного языка, его уникальную способность озарять своими гранями всю красоту мира. Его драма как поэта в том, что он не обрел достойного собеседника, он возвышается над своими современниками и одновременно теряется в пространстве своего времени, ибо это «глас вопиющего в пустыне», не услышанный на своем веку и неудобный в своей честности и откровенности в сегодняшнем дне. Его судьба — судьба гения, «пророка в своем отечестве». Мы вместо того, чтобы гордиться им (т.е. читать и знать всю его исповедальную прозу и суфийскую лирику), большей частью поем славу гранитному монументу, отшлифованному давно и не нами, идолу, тотему, истинное предназначение которого на самом деле совсем в другом. Абаеведение сегодня — некая религиозная община, застрявшая в устаревших канонах, бесплодных повторениях догматов, которые не в силах пробудить истинного постижения Пути Абая. Отдельная тема — переводы творений Абая на русский язык. В свете юбилейного года чуть ли не каждый ник в фейсбуке открыл в себе талант переводчика уровня Абая и в поте лица «трудится» денно и нощно, чтобы исправить катастрофическую безграмотность своих предшественников. Надо бы радоваться такому чистосердечному и благородному порыву новоиспеченных литераторов,

но... как-то не получается... Меня, как говорил известный киноперсонаж, «терзают смутные сомнения» в наличии литературного дара самозванных переводчиков.

ПТП: В статье «Два крыла Пегаса» Вы писали, что двуязычие подобно двум крыльям Пегаса (потрясающий образ!): в единстве крыльев (языков) осуществляется истинный поэтический полет. И эта позиция по-своему уникальна, ведь многие авторы убеждены в том, что создавать произведения на «материнском» языке — единственно дозволенный способ поэтического овеществления. Как Вам удалось преодолеть подобные догматы?

БК: Когда меня спрашивают, почему я не пишу на родном языке, я обычно отшучиваюсь, мол, на казахском мне не выйти из тени отца, а на русском — я свободен от его таланта и языковой мощи. Что касается русского языка, то, признаюсь, мне пришлось немало потрудиться, чтобы не просто увеличить свой словарный запас, но главное — полюбить образную систему русской поэзии, а через нее глубже узнать стихию родной речи. Поначалу в этом состояла моя учеба как переводчика, от которой я бессовестно убежал в свое творчество. И это продолжается до сих пор. И могу сказать, что я нашел золотую середину, эдакую пограничную ситуацию:

быть казахом и русским,
как древний Урал —
быть на стыке границ
и рекой,
и грядую,
называться на разных,
чужих языках,
но
питать и водою,
и горной рудой,
и границы смывать
на крутых берегах!

(из поэмы «Открытое письмо», 1981)

Быть послом и парламентаром, мостом и толмачем, искусным посредником, гидом в русскую и казахскую культуры. Это и почетная миссия и, как ни странно, опасная, ибо есть те, кто из-за слепоты своей не видят будущего в общении и обмене истинными ценностями между народами.

ПТП: Помимо языка поэтического Вы владеете языком визуальным и языком нарратива — как режиссер, Вы создаете зрительные образы и рассказываете истории. Все эти «языки» для Вас тоже «части целого» — или для Вас они принципиально различны?

И еще: помогает ли Вам музыка? Нам известно, что Вы автор текстов песен, любите музыку, играете на гитаре и поете. Музыкальный слух обостряет восприятие? Возможно, кинематографичность ваших текстов очевидна благодаря музыкальному языку, которым Вы владеете?

БК: Для меня кино — скорее хобби. По просьбе Олжаса Сулейменова в бытность его моим шефом — Председателем Госкино КазССР я четыре года писал

сценарий эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу». И не найдя на тот момент кандидатуры режиссера, пошел учиться на курсы, чтобы самому реализовать этот проект. К сожалению, пока я учился, фильм был снят на нашей киностудии. Я вернулся к работе над переводами, как «вдруг» — опять же по просьбе друзей — предпринял попытку реконструкции домусульманских обрядов казахов и увлекся настолько, что до недавнего времени постоянно возвращался к этой неиссякаемой теме в так называемом «документальном» кино. С точки зрения моей основной профессии переводчика этот выкрутас в моей биографии можно обозначить как попытку художественного перевода фольклорного наследия на язык кино. То же самое можно сказать и о моих «набегах» в сферу мюзикла и балета в качестве либреттиста. И даже моя несостоявшаяся диссертация на тему «Поэтическая этимология Олжаса Сулейменова» изначально затрагивала попытку вольного перевода поэтики Махамбета на русский язык, ставшей в конечном счете опорной точкой для создания «переводчиком» своего поэтического языка и ритма.

Я думаю, нет особой похвальбы для полиглота в знании нескольких языков, и то, что он продолжает увеличивать свой лексический багаж, естественно. Так и со мной. Я — любопытен и легко поддаюсь творческой «авантюре» — овладеть языком кино — художественного и документального, языком музыки, чтобы написать текст к мелодии, языком рисунка, языком балета, языком научной статьи, пространного эссе, потому как для меня это всегда еще один переводческий опыт. Главное, знать и чувствовать поэтический образ, который присутствует во всем. Если он тебе понятен, то остальное дело техники, которой может овладеть каждый. И признаюсь, сколько бы я ни был чиновником и какие бы высокие посты ни занимал, я так и не научился канцелярскому языку. Там нет поэзии, а значит, я там бессилён что-либо создать.

Мой друг Виктор Бадиков мог стать пианистом и иногда баловал нас игрой на фортепиано. И как-то написал обо мне — также несостоявшемся музыканте:

Вспоминая творческую биографию моего неугомонного талантливового друга и брата, думаю о том, что еще Бахыт — поэт с гитарой, со своим неповторимым голосом и устоявшимся уже в нашем кругу песенным репертуаром. Он не сочиняет музыку, но голос его и его песни — это особое искусство поэтических медитаций. А если уж начистоту, он для меня еще и актер, артист, и пока что никто, кажется, не догадался попробовать его в этой творческой ипостаси. Когда я вижу его на экране, пока что документальном («Зажги свое сердце» режиссера Г. Касымжановой), я люблюсь артистичностью моего друга.

Собственно, она растворена в его человеческом и творческом облике, как, наверно, в подлинном художнике. Быть может, он нечастое исключение из пушкинского правила о том, что поэт вне поэзии — «ничтожной» всех «детей ничтожных мира. Нет, скажу я вам, и это проверено многолетней дружбой, равной родству. К Бахыту это не относится. Кто-то заметил, что Блок в самой густой толпе смотрелся отдельно... И здесь я спохватываюсь, потому что главное сказано, «дальнейшее, — как говорил Гамлет, — молчание», или погружение в художественный мир Бахыта.

Конечно же, музыкальное образование (семилетка в школе им. Амре Кашаубаева) оттачивает в человеке чувство ритма и композиции. Есть такая фишка у киношников: смонтируй фрагмент и положи на него мелодию, если твой монтаж

совпал с началом и концом музыкальной фразы, значит, ты владеешь ритмом киноповествования.

Что касается песен, я был удивлен открытием, что отец мой писал текст под музыку, мурлыча ее себе под нос. Вот и я пишу слова уже под сочиненную мелодию. Но всегда с одним условием: если она мне по душе.

ПТП: Ваш последний сборник — «Год мыши» — пожалуй, один из Ваших самых пронзительных, исполненных горечью произведений. Его лейтмотивы — утрата и плач по этой утрате; но в то же время — стремление обессмертить каждого из адресатов, оставить их здесь, «под пальцами» (М. Цветаева). И в метатекстовом комплексе заголовка — «Год мыши» — огромное поле для смысловых приращений. Год мыши — данность. 2020-й, год мировых потрясений, утрат, столкновения с новой реальностью. Год отдаления людей друг от друга, физического дистанцирования, попыток найти «убежище». В Вашем сборнике все точно наоборот: близость, физическая и духовная спаянность, стремление собрать всех! — на страницах единого Дома, Дома-книги. И в то же время Мышь — в мировой и русской литературе символ мысли. И тогда Мышь становится символом осмысления нового мира — мира, способного многое дать и многое отнять. Не эта ли мышь «точит жизни тоненькое дно»? (О. Мандельштам).

БК: Для меня мышь — скорее символ обыденности, как говорил Пушкин, «жизни мышья беготня», суетливая, проворная, житейски мудрая, практичная. В стихотворении «Стучится дождь по жести крыш...» («Части целого». Том II. С. 125) для меня мышь — образ утери творческого запала, упадок сил, в результате которого мышь не боится меня как охотника. Она занята привычной заботой о дне насущном: «скребется мышь к зерну — жизнь коротка!». И в популярной сказке о Золотом Яйце мышь легко «разрешает» проблему стариков: всего-то «хвостиком махнула», и все труды закончились прахом. И утешительный финал сказки — возвращение к реализму жизни, в которой нам достаточно простого яйца, которым можно утолить ежечасный голод, и нечего гнаться за Жар-птицей и Золотым Яйцом. А что делать с верой в чудесное, в поэтический мир Курочки Рябы? Ведь она не простая, а рябая, пятнистая, пестрая. А этот окрас несет в себе сакральное начало. Как известно, в жертву приносили животных, имеющих пеструю окраску — белого барана с черной отметиной, выделяли жеребенка со звездой во лбу, встретить пеструю кошку считалось добрым предзнаменованием. По-казахски пестрота — *ала* — образ полноты мира, радуги жизни. Казахи не зря называют себя народом Алаш. В этом же ряду, к примеру, Алатау — священная гора, *ала жип* — пестрая веревка, которой перевязывают ножки малыша в обряде *тусаукесу* (перерезания пут). Священная пестрота — у удода, кукушки, совы. Пестрого цвета священный бык и конь, на котором ездит бог Тенгри (Ульгень).

Ала — сплав, соединение несоединяемого, в нашем случае символ Творчества, которое всегда не предсказуемо.

И то, что Золотое Яйцо, олицетворяющее собой счастье, дарованное нам в начале жизни, разбито, для меня говорит о хрупкости чуда, которое мы не ценим, пока случай не разобьет его. Меня в свое время поразила мысль о том, что мы узнаем о ценности вещи только тогда, когда ее потеряем. Случай в образе мыши всегда рядом и легко может разрушить наше счастье, которое мы фактически

каждодневно уничтожаем (как с примером нашего здоровья — «бьем» его передаванием, никотином, водкой, а потом хотим в одночасье вернуть его — волшебным исцелиться, но, увы, поздно).

В сказке о встрече Нового года первой видит восход солнца Мышь, которая обхитрила всех, ловко взобравшись на горб верблюда. И потому восточный зодиак открывается годом Мыши. Он у казахов считается прибыльным, ибо Мышь — запасливое существо.

Но для меня 2020 год — год потерь. Конечно, кто-то может толковать этот год коронавируса как времяпровождение каждого в своей норе, а «кто не спрятался», того Год лишил припасов, сократив «лишние рты», ибо на всех уже не хватает природных запасов — воды, хлеба, топлива... Согласно концепции Мальтуса, которая обрела второе дыхание, к началу XXI века по всему миру должны царствовать голод, мор, войны и смерть — библейские всадники Апокалипсиса (см. выступление генсека ООН А. Гуттериша в январе этого года).

И стихи этого года продиктованы оглушительными потерями родных и близких, с которыми я даже не смог по-человечески проститься. И да, память невольно собрала их в один пантеон Печали — такая робкая попытка собрать их вместе, проститься и попросить у них прощения за то, что так мало было встреч и разговоров по душам, именно потому, что все застила «мышьячная возня» в погоне за наполнением своей норы, в которой теперь сижу наедине с осиротевшей душой.

27.12.2020

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Bio Note:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru